

лагерей на Соловки]. Архив МВД Республики Карелия (далее — Архив МВД РК). Сб. арх. 1/14. Л. 427.

6. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 5а. Д. 1. Материалы и переписка об организации Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения, Архангельского и Кемского пересыльно-распределительных пунктов. 1923.

7. Там же. Оп. 5а. Д. 720. М-лы и переписка об увеличении сметы ОГПУ на второе полугодие на 600 000 р. на покрытие дефицита по содержанию Соловецкого лагеря. 1924; Там же. Оп. 8а. Д. 365. М-лы и переписка об отпуске ОГПУ средств на расходы по содержанию Соловецкого лагеря. 1927; Там же. Оп. 9а. Д. 444. М-лы и переписка об установлении дефицита по смете СЛОН ОГПУ с 1 июня 1928 г. по июнь 1929 г. 1928.

8. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: справ. / О-во «Мемориал», ГАРФ; сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 317.

9. ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 93. Л. 2. Протоколы закрытых заседаний Президиума архгубисполкома. Аннотация о передаче совхоза «Соловки» Управлению Северными лагерями.

10. Наша жизнь. Электрификация Соловков растет // Новые Соловки. 1925. 25 января. С. 4.

11. Френкель Н.А. Эксплоатационно-коммерческие перспективы Соловецкого хозяйства // Новые Соловки. 1925. 7 июня. С. 2.

12. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2818.

13. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2919.

14. ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Протокол № 13 заседания Бюро коллектива ВКП(б) УСЛОН ОГПУ. 11 января 1929 г. Л. 5.

15. Подробнее см.: Шульгина М.В. Производственная деятельность на Соловецких островах в 1920-1939 гг. в контексте проблемы истощения природно-ресурсного потенциала // Человек и Север: антропология, археология, экология: м-лы Всеросс. конф., г. Тюмень, 24-26 марта 2009 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. Вып. 1. С. 378-381.

16. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 1.

17. Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-865. Оп. 40. Д. 1.1. Л. 1.

18. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 178-188.

19. Архив МВД РК. Приказ НКВД СССР № 0076 от 20 февраля 1937 г.

*Ольга Даниловна ЕРНЫХОВА —
руководитель архивного отдела
Обско-угорского института
прикладных исследований и разработок
(г. Ханты-Мансийск)
urnhop@yandex.ru*

УДК 908 |470-671

КАЗЫМСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ БАЗА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

KAZYM CULTURAL BASE AS SOCIAL EXPERIMENT OF THE SOVIET STATE

АННОТАЦИЯ. С позиций современной исторической науки в статье исследуется деятельность Казымской культурной базы и реакция коренных жителей на ее работу и строительство. Подробно излагается деятельность ее структурных подразделений: школы-интерната, больницы, даются личностные характеристики руководителей учреждений культурной базы. В научный оборот введены новые архивные документы, которые позволили уточнить ряд исторических фактов.

SUMMARY. The present article offers the research of the activity of Kazym cultural base and the reaction of indigenous people to the work and construction of the cultural base with regard to the positions of modern history. The activity of structural units of the cultural base, such as boarding schools and hospitals, is considered in detail, as well as the personal descriptions of leaders of cultural base institutions. New archival documents, which allowed to specify some historical facts, were included into scientific circulation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Культурная база, школа-интернат, больница.

KEY WORDS. Cultural base, boarding schools, hospitals.

Культбазы на северных территориях в 20-30-е гг. XX столетия представляют научный интерес как пример некоего социального эксперимента советского государства, который заключался в приобщении коренных жителей Севера к «процессу цивилизации». Советские историки этот процесс называли «социалистическим переустройством культуры северных народностей».

Актуальность этого исследования обусловлена современными проблемами, которые вынуждают искать новые решения в деле сохранения традиционной культуры северных этносов. В последнее время проблемы по адаптации коренных народов Севера к новым социально-экономическим и культурным условиям обсуждаются на различных уровнях власти, этот вопрос стал объектом исследования ученых [1]. Например, историк А.А. Асеев утверждает, что именно «в 20-е-30-е гг. XX века формировались все основные черты современного социального облика коренных малочисленных народов Дальнего Востока» [2].

Строительство культбаз связано с реформами советского государства в 1920-1930-е гг., и в настоящее время существует необходимость переосмысления всех советских преобразований, поскольку именно в ранний советский период традиционный уклад жизни северян начинает очень быстро меняться, а вместе с этим происходит трансформация мировоззрения коренных жителей Севера.

В советской историографии деятельность культбаз упоминалась лишь фрагментарно в отдельных статьях и монографиях исследователей. Научный интерес в этом отношении представляют журналы «Советский Север», «Жизнь национальностей» и другие, в которых были опубликованы вопросы административного управления северными территориями, проблемы по решению вопросов социально-экономического развития на Севере, широко освещалась работа культбаз [3]. Научную ценность представляют материалы руководителей Комитета Севера П.Г. Смидовича, А.Е. Скачко [4]. Самым значимым трудом, освещающим советские преобразования на Севере, является монография М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» [5]. Она написана с привлечением большого круга источников и, в отличие от других исследований по данной тематике, подвергает анализу советские реформы, касающиеся жизни и быта северян. В данной монографии деятельность культбаз рассматривается более детально. Однако в настоящее время не появилось комплексных обобщающих трудов, касающихся деятельности культурных баз на Севере. Некоторые сведения об истории Казымской культбазы опубликованы в книге «Казымский мятеж: об истории Казымского восстания» автора данной статьи [6]; деятельность северных культбаз, в том числе и Казымской, освещена в монографии эстонского исследователя А. Лээте [7].

Идея создания культбаз принадлежит Комитету содействия народностям северных окраин (Комитета Севера) при ВЦИК, образованному в Москве в 1924 году. В соответствии с решением майского пленума Комитета Севера в 1925 г., на

северных территориях начинается организация культурных баз (культбаз). Известно, что проектированием культбаз на Севере занимались такие ученые как Бернгард Эдуардович Петри [8] и другие. Между учеными-этнографами еще в 1920-30-е гг. развернулась научная дискуссия, связанная с «социалистическим переустройством жизни и быта северян». Предлагалось несколько методов приобщения коренных народов Севера к советским формам государственности. Одним из направлений явилась идея модернизации традиционного уклада жизни малочисленных народов, а вместе с ним и идея создания культбаз, которые должны были стать некими очагами культуры в среде компактного проживания северян. Другие идеи, направленные на неприкосновенность территорий расселения, консервацию архаической культуры северных народов с помощью организации «резерваций», по мнению идеологов коммунизма, шли «вразрез с задачами национального строительства» и свидетельствовали «о глубоком непонимании самого существа национальной политики советской власти» [9]. И по этой причине эти идеи «не удостоились обсуждения в советских органах». Однако ученые, независимо от своих взглядов и убеждений, были уверены в одном, что северные народы приобщать к современной цивилизации нужно постепенно, бережно сохраняя их своеобразный психический склад и связь с природной средой.

В начале 1930-х гг. на территории Остяко-Вогульского (ныне Ханты-Мансийского автономного округа) было построено две культбазы: Казымская в 1930 г. и Сосьвинская в 1933 году. В мае 1926 г. была организована экспедиция общества изучения края при Госмузее Тобсевера, руководителем которой был Василий Михайлович Новицкий — исследователь культуры северных народов. Место для культбазы было выбрано в 17 километрах от устья р. Казым на левом берегу реки Амни близ Амнинских юрт. Казымская культбаза должна была объединить население свыше 1000 человек, в том числе как казымских хантов, так ненцев и коми-зырян. Она соединила в одном комплексе все виды обслуживания населения (культурно-просветительное, медицинское, организационно-хозяйственное, ветеринарное и пр.). Задачи культбазы были многогранны, но основные заключались «в поднятии культурно-политического уровня отсталых туземных народностей, в повышении их материально-экономического состояния, внедрении советизации в тундре, в работе с беднотой по отрыву ее от кулацко-шаманского влияния и экономической зависимости» [10]. Предполагалась работа по привлечению коренного населения «к цивилизации» как непосредственно на самой культбазе, так и выезды на стойбища северян. Надо заметить, что культбаза административно подчинялась Комитету Севера при ВЦИК, но работала под непосредственным руководством местных партийных организаций.

К концу 1931 г. Казымская культбаза включала в себя 14 построек: больницу, школу-интернат, Дом туземца (Дом народов Севера), ветеринарный пункт, показательную юрту, банно-прачечную, склады, овощехранилище, ледник и кухню, три жилых дома для работников культбазы. Штат Казымской культбазы состоял из 37 работников: заведующего, заместителей, библиотекаря, учителей, врача и др. Первым начальником Казымской культбазы был назначен Филипп Яковлевич Бабкин. Он уже имел опыт руководства Туринской культбазой (1927-1930). Она была построена на р. Тура, на Енисейском Севере в 1927 г. для эвенкийских оленеводов. В годы гражданской войны на Енисее Бабкин командовал партизанским отрядом, и ему был присущ некий «партизанский пыл», на который указывали его современники в своих воспоминаниях [11]. На Казымскую культбазу Филипп Яковлевич приехал в конце октября 1930 г.,

в период распутицы, по этой причине ему пришлось пробиваться по замерзающей реке, а последние километры даже пройти пешком до культбазы. В начале 1932 г. после мятежных событий на Казыме Бабкин выехал с культбазы.

Работа больницы на культбазе сводилась к профилактике и лечению больных, проведению культурно-просветительской работы. С большим трудом медикам удалось добиться посещения больницы представителями коренной национальности. В своем отчете Комитету Севера при Президиуме ВЦИК врач В.А. Башуров отмечает, что коренное население Казымской территории благожелательно отнеслось к строительству больницы. «Лекарь нам надо», — такими словами встречали медиков на стойбищах. Особенно привлекательным для женщин было известие о том, что в больнице медсестрой работает женщина. Однако вовлечь основную массу хантов в открывшееся лечебное учреждение было непросто. В больницу чаще обращались мужчины, нежели женщины. После проведенных бесед настороженное отношение к больнице несколько изменилось. Медики стали наблюдать значительное увеличение обращений к врачам во время выездов на стойбища. В своем отчете врач В.А. Башуров указывает основные причины, которые тормозили организацию здравоохранения: «огромная территория проживания казымских хантов, разбросанность юртовых объединений, слабость бюджета коренного жителя, специфический уклад хозяйства и быта» [12].

Важным достижением деятельности больницы явилось создание санитарно-профилактического направления в регионе: борьба с эпидемиями и санитарно-просветительская работа медиков среди коренного населения.

Что касается деятельности школы-интерната Казымской культбазы, то следует отметить, что появились новые факты, связанные с ее работой. Кроме этого, именно деятельность школы-интерната вызвала самые негативные чувства у коренных жителей, и по этой причине деятельность этого образовательного учреждения в период становления должна быть подвергнута более тщательному анализу. Из документов следует, что Казымская школа-интернат была открыта еще в январе 1931 года. Заведующей школой-интернатом была назначена некая Просвирнина, вторым учителем работал двадцатилетний Апполон Иванович Шутов. Первые учителя Казымской школы-интерната хантыйским языком не владели, и уроки проводились в школе через переводчика. Поскольку местными ребятишками школу-интернат укомплектовать не удалось, из юртовых объединений, находящихся по р. Обь, удалось собрать группу детей в количестве 11 человек (9 человек с р. Обь и только два ученика с Казымского региона). Первоначально здесь были собраны дети школьного и нешкольного возраста, некоторым было далеко за шестнадцать лет.

Школа временно находилась в строящемся «Доме туземца», и в этом здании не было возможности устроить ни настоящие классы, ни спальни. Одна и та же комната служила одновременно и классом, и спальней, и столовой. В ней же ставились различные спектакли во время праздников и проводились концерты для работников культбазы [13]. Кроме коренного населения, школу посещали дети работавших на культбазе работников, в количестве шести человек. Как указывает в своем отчете Комитету Севера при Президиуме ВЦИК директор Просвирнина, продолжительность уроков была до 50 минут, учебная программа была несколько сжата по той причине, что процесс обучения начался 23 января 1931 года. Школьники в течение непродолжительной учебы выучили большую часть букв русской азбуки и научились читать и писать небольшие слова, выучились счету в пределах сотни круглыми десятками. Кроме этого,

Просвирнина указывает, что старшие школьники «по остячки» умели устно считать и до школы, производя в уме довольно сложные вычисления. В отчете сообщалось, что школа ведет постоянную переписку со школой первой ступени № 113 г. Ленинграда. Дети Ленинграда отправили 38 книг для внеклассного чтения и 1 кг конфет, в свою очередь казымские школьники отправили письмо и посылку с 8 куропатками, поскольку у школы имелись ружья для охоты на дичь «для усиления их питания».

Интересен тот факт, что в первое время дети относились к подаваемой пище в столовой критически и требовали пищу традиционную: мясо и рыбу в сыром и мороженом виде [14]. Например, эстонский исследователь А. Леэте, опираясь на полевые материалы, пишет, что по приезду детей в интернат их сразу стали кормить пищей, которую северяне никогда и не видели, например, овощами, макаронами. Макароны вызывали у детей ужас и отвращение, поскольку они напоминали им неких червей [15].

Традиционная одежда маленьких северян насильственно была заменена на «интернатскую» — «русский костюм», что позже (при сборе детей в 1931 г.) вызвало у казымцев негодование: «Ни русской рубахи, ни сапог ... ничего нам не надо, и русской одежды носить не позволим» — заявлено было на Ильби-гортском юртовом собрании [16]. Очевидно, школа неизбежно ассоциировалась с запретом традиционной одежды учеников, а в представлении хантов традиционная одежда, помимо утилитарной функции, защищала владельца от всех бед и несчастий.

После того, как в 1931 г. завершился учебный год, с культбазы выехали заведующая Просвирнина и учитель Шутов. В начале нового учебного года, в сентябре 1931 г., на культбазу в качестве заведующего школы-интерната прибыл Владислав Владимирович Вострокнутов с семьей. Как свидетельствуют документы ГА ХМАО, у него был большой стаж педагогической работы: Вострокнутов начал свою трудовую деятельность с 1913 г. после окончания Харьковского университета: работал преподавателем русского языка, истории и географии в гимназии г. Феодосии, затем была работа на Кубани, в Краснодаре, и после «курсов переподготовки Центрального практикума при Наркомпросе» он был направлен на Север. В то время это был достаточно квалифицированный педагог с большим опытом работы, он владел французским и немецким языками, но опыта работы в северных школах у него не было [17]. Несомненным преимуществом подготовки Вострокнутова является то, что он получил высшее образование в досоветский период, когда уровень подготовки специалистов высшей школы был достаточно высок по сравнению с образованием, полученным наспех многими педагогами после октябрьского переворота. Вторым учителем был назначен Аркадий Николаевич Лоскутов, организовавший ранее в мансийских юртах Сартынья школу для детей манси. Лоскутов приехал работать на Север по разверстке Наркомпроса и Комитета Севера при ВЦИК, получив среднее образование в Куженерской школе II ступени с педагогическим уклоном и специальность «школьного работника».

А.Н. Лоскутов в своих воспоминаниях называет себя первым заведующим школой-интернатом, хотя по счету он являлся третьим. Любопытно, что в документах фондов государственного Музея природы и человека, так и фондов ГА ХМАО нет упоминания о том, что в 1931-1933 гг. школой заведовал Вострокнутов, а еще ранее — Просвирнина. Очевидно, эти документы были попросту уничтожены, и на протяжении длительного времени Аркадий Николаевич официально считался первым директором Казымской школы. Документы ГА РФ, а имен-

но — отчеты о деятельности школы-интерната в начале 30-х гг., а также доклад начальника культбазы Круглова проясняют ситуацию: Лоскутов и Вострокнутов конфликтовали между собой, между ними сложились неприязненные отношения [18]. Причиной разногласий Вострокнутова и Лоскутова, возможно, является то, что в маленькой школе работали два специалиста, получивших образование в разное эпохальное время: специалист с дореволюционным образованием и советский выдвиженец. В то время подобные конфликты наблюдались на всей территории России. В. В. Вострокнутову в 1933 г. пришлось уехать с культбазы, и начальником культбазы Кругловым временно исполняющим обязанности заведующего школой-интернатом был назначен А.Н. Лоскутов.

О том, как сложились события в Казымской школе-интернате после приезда Вострокнутова и Лоскутова на культбазу осенью 1931 г., рассказывают документы ГАРФ. Начинаясь новый учебный год, но здание школы-интерната оставалось пустым после отъезда детей обских хантов на каникулы. Работа по вовлечению детей в школу оживилась после принятия постановления Оргбюро по организации Остяко-Вогульского округа о всеобщем обязательном начальном обучении детей оседлого и полукочевого населения. Во все юртовые объединения были направлены бригады по «вербовке» детей в школу-интернат Казымской культбазы; в эти бригады обязательно входил представитель администрации культбазы, члены тузсовета и интегрального товарищества, заведующий школой-интернатом В.В. Вострокнутов и учитель А.Н. Лоскутов. Первоначально они пытались вести среди хантов разъяснительную работу, но встретили отчаянный отпор со стороны местного населения: никто не соглашался отдавать детей в школу. На собраниях в юртовых объединениях коренными жителями приводились различные доводы, связанные с обучением детей в школе-интернате. Отчет Вострокнутова о работе школы-интерната содержит следующие выступления коренных жителей на собраниях: «Если ребята будут учиться с русскими людьми, значит, будут жить по-русски. Забудут свои обычаи и юрту любить перестанут, разучатся белку ловить, на морозе спать: семья голодать будет»; «Выучатся дети в школе, будут такие же, как русские, грубые и обманщики»; «Неграмотному лучше, а грамотный отвечает перед судом». На собрании Амнинских юрт начальник культбазы Бабкин доказывал хантам, что неграмотного человека нетрудно обмануть, обсчитать. На что был получен ответ: «Ну и что же, если меня и обсчитал русский приказчик? Мне это неважно: мне надо было получить муку, я ее и получил. Это меня, вероятно, и обсчитали с той целью, чтобы вам говорить здесь о школе» [19].

Как очевидно из приведенных высказываний, родители осознавали, что ребенок на протяжении длительного времени будет оторван, изолирован от семьи. Их страшила мысль, что, выучившись грамоте, дети забудут родной язык, не вернуться обратно на стойбище. Кроме того, учитывая, какими насильственными методами действовали представители администрации культбазы во время ее строительства, дальнейшие нововведения отрицательно воспринимались местными жителями; отрыв ребенка от семьи расценивался как насильственное взятие его в заложники для проведения дальнейшей политики советской власти. После неудавшейся разъяснительной работы, когда никого не удалось собрать в школу, работники культбазы и члены тузсовета начали применять различные непопулярные меры по сбору школьников.

У двух жителей — Григория Александровича Тарлина и Тимофея Тарлина по указанию председателя Казымского тузсовета О.С. Ерныхова радист Бого-

моллов и член тузсовета Н.И. Ерныхов в качестве залога отобрали ружье. Это было несправедливо и жестоко, так как семья в этом случае обрекалась на голод, поскольку без ружья трудно заготовить дичь в тайге, защититься от хищников. На заседаниях тузсовета, возглавляемого О.С. Ерныховым, выносились решения о привлечении к судебной ответственности родителей, не желающих отдавать детей в школу. Кроме того, работники культбазы занимались «фабрикацией пакетов из Москвы от самого большого и главного начальника с директивами о введении всеобщего начального обучения в Прикаzymье» [20]. После того как родители соглашались на обучение детей, эти пакеты «вербовщиками» тут же уничтожались. Очевидно, что администрацией культбазы применялся обман для оправдания своей работы вообще, тем более что Остяковогульский окружной отдел народного образования по телеграфу два раза в месяц требовал сводки по охвату населения всеобучем.

Принудительные меры, применяемые органами при комплектовании школы-интерната Казымской культбазы, и ряд других причин постепенно привели к протесту коренных жителей против нововведений советской власти, и за ними последуют события, известные как Казымское восстание. Вследствие проведенных мероприятий у населения сформировалось отрицательное отношение к школе, а в целом и ко всей культбазе. Дети, оторванные от семей и от традиционных промыслов, испытывали серьезные трудности в период адаптации к новой культуре и попросту сбегали из школы-интерната, особенно те, кто жил в непосредственной близости от культбазы.

Казымская культбаза как самостоятельное учреждение просуществовала ровно 30 лет. Тюменский облисполком 18 февраля 1960 г. принял решение о реорганизации Казымской культбазы Ханты-Мансийского округа с 1 марта 1960 года. Она была преобразована в «социально-культурное учреждение обычного типа с подчинением их [структурных подразделений культбазы] соответствующим ведомствам» [21]. Необходимость этого решения назрела еще в 1940-1950 гг., поскольку был неудобен механизм взаимодействия структурных подразделений культбазы. Последним начальником культбазы была Р.А. Налетова, позднее назначенная на должность директора сельского Дома культуры. По этому перемещению можно сделать вывод, что администрация культбазы как организатор работы на казымской территории в конце 1950-х гг. занималась выполнением функций культурно-просветительного образования и утратила свое первоначально задуманное аккумулярующее значение.

Советский историк М.А. Сергеев констатирует, что «опыт организации баз полностью оправдал себя. Культурные базы оказались наиболее целесообразным методом культурного подъема населения, развития самодеятельности, вовлечения в советское строительство...» [23]. Возможно, северные культбазы явились на тот момент (20-30-е гг. XX в.) той необходимой формой организации жизни северян, без которой невозможно было выполнить задачи «по вовлечению коренных жителей в советское строительство».

На начальном этапе деятельности (1930-е гг.) культбаза сыграла немалую роль в организации образования и здравоохранения коренных жителей Прикаzymья, позднее она превратилась в административный и экономический центр Казымской территории, несмотря на то, что в деятельности работников культбазы были ошибки, недостатки, злоупотребления властью. Нельзя отрицать, что, с одной стороны, строительство культбазы все же было позитивным фактом для коренных жителей Прикаzymья. С другой стороны — деятельность культбазы и другие реформы советской власти в 20-30-е гг. XX века привели к раз-

рушению традиционной культуры коренных жителей, и как следствие — к трансформации культурных ценностей.

Эстонский исследователь А. Леэте утверждает, что основание культурной базы связано с процессом разрушения традиционной картины мира казымских хантов. Ведь именно строительство культбазы и другие причины спровоцировали так называемую Казымскую войну, поскольку «казымские ханты хотели поставить под свой контроль перемены, происходившие в их жизни» [24].

Бесспорно, что проект создания культбаз на Севере имел под собой научную основу, и, возможно, при грамотном подходе можно было ожидать более гармоничного финала своеобразного социального эксперимента советского государства на северных территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Королева Ю.А. Взаимодействие органов государственной власти и коммерческих структур в сфере социальной защиты коренных малочисленных народов Севера: автореф. дисс. ... к. с. н. М., 2007. 23 с.
2. Асеев А.А. Изменение социального облика коренных малочисленных народов Дальнего Востока СССР (1922-1941 гг.): автореф. дисс. ... к. и. н. Хабаровск, 2008. 25 с.
3. Кантор Е. Казымская культбаза // Советский Север. № 6, С. 66-68; Суслов И.М. Пятнадцать северных культбаз // Советский Север. № 1. М., 1934. С. 28-37;
4. Чеботаревский А. Культурные базы Комитета Севера // Советский Север. № 1. М., 1930. С. 117-124.
5. Скачко А.Е. Десять лет работы Комитета Севера // Советский Север. 1933. № 2. С. 9-12.
6. Смидович П.Г. О перспективах социалистического строительства на Севере // Советский Север. 1934. № 4. С. 3-10.
7. Смидович П.Г. Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 5-4.
8. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1955. 570 с.
9. Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: об истории Казымского восстания. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 156 с.
10. Леэте А. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти. Тарту, 2004. 286 с.
11. Петри Б.Э. Проект культбазы для малых народов в Сибири. Томск, 1928.
12. Сергеев М.А. Указ. раб. С. 216.
13. Обвинительное заключение по делу № 2 /49 о контрреволюционном выступлении против советской власти туземцев Казымской тундры. Фонды БИКМ (Березовский историко-краеведческий музей). № 767. С. 2.
14. Астраханцева Л.П. Воспоминания о Казымском восстании. Фонды БИКМ. № 768.
15. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1104. Л. 116.
16. Там же. Д. 1149. Л. 86.
17. Там же. Д. 1104. Л. 128.
18. Леэте А. Указ. раб. Л. 120.
19. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1149. Л. 86.
20. ГА ХМАО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 44. Л. 126.
21. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 1149. Л. 15.
22. Там же. Л. 86.
23. ГАСПИТО. Ф.107. Оп. 1. Д. 121. Л. 36.
24. Из истории культурного строительства в Тюменской области. Сб. док-ов. 1918-1975 гг. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во. 1980. С. 309.
25. Архивный отдел администрации муниципального образования «Белоярский район» (АО АМО «Белоярский район») Ф. 4. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.
26. Сергеев М. А. Указ. соч. С. 264.
27. Леэте А. Указ. раб. С. 265-266.